

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.005

Феномен эстетики в контексте правовой нормативности: философский анализ

Семенович Александр Владимирович

Кандидат философских наук,
ассистент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Гуманитарный институт,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600001, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: a_semenovich76@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка философского осмысления эстетики юриспруденции. Отмечено наличие исследований, в которых юриспруденция, несмотря на присущую ей рациональность, рассматривается как чувственно-эстетический феномен. Обозначены эстетические категории и паракатегории посредством которых выражается эстетическое содержание юриспруденции. Обосновывается наличие эстетического измерения права и юридических практик. В то же время констатируется наличие обоснованной тревоги от чрезмерного увлечения чувственно-эстетическими элементами при решении юридических вопросов. Рассмотрение эстетики юриспруденции в обозначенном контексте заставляет испытывать уже не восхищение, но тревогу и ужас от осознания силы и взрывоопасности эстетического в сфере юриспруденции. Приведенные примеры заставляют опасаться чрезмерной эстетизации юриспруденции, чрезмерной зависимости разрешения правовых споров от чувственного восприятия и субъективного усмотрения определенного судьи, что в целом создает угрозу дерационализации системы права. В качестве примеров, вызывающих такую тревогу, описаны смысловые трансформации, которым подвергаются нормы гражданского процессуального и уголовно-процессуального права в условиях актуализации чувственно-эстетического восприятия, что, в частности, выражается в реализации права судебного усмотрения. Обозначается необходимость эстетического осмысления текущей юридической реальности в целях установления оптимального баланса между чувственным и рациональным.

Для цитирования в научных исследованиях

Семенович А.В. Феномен эстетики в контексте правовой нормативности: философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 7А. С. 59-65. DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.005

Ключевые слова

Эстетика, юриспруденция, деконструкция, судебное усмотрение, внутреннее убеждение.

Введение

Эстетика юриспруденции, несмотря на наличие ряда оригинальных исследований по данной проблематике, до сих пор воспринимается в научных кругах как что-то экзотическое. При этом юриспруденция, и как совокупность теоретических знаний о праве, и как практическая деятельность профессиональных юристов, по умолчанию рассматривается как нечто, не имеющее прямого отношения к чувственному восприятию, нечто преимущественно рациональное.

В то же время, имеет место представление о праве как о чувственном феномене. В частности, известный отечественный правовед С. С. Алексеев признает существенную роль чувственных факторов, эмоций, увлечений, заблуждений, иллюзий в формировании права [Алексеев, 1999, 576]. М. Фуко отмечает, что помимо преступления как юридического объекта «судят также страсти, инстинкты, аномалии... влечения и желания» [Фуко, 2018, 24]. Т.Б. Пухова в своей диссертации «Эстетические основания права» обращает внимание на способность правовых явлений выступать источником эстетических эмоций, чувств, переживаний [Пухова, 2008]. Чувствование человеком самого себя в правовой жизни, как отмечает В.П. Малахов, формирует эстетику права [Малахов, 2013, 8].

Основная часть

Эстетика права проявляется в форме игры, являющейся характерным выражением многих юридических практик. На данное обстоятельство обращает внимание Й. Хейзинга: «Возможность родства между игрою и правом делается для нас очевидной, как только мы замечаем, что правовая практика – другими словами, судопроизводство, независимо от того, какие идеалы положены в основание права, – носит в высшей степени состязательный характер» [Хейзинга, 2011, 56]. В свою очередь, игра является одной из ключевых классических эстетических категорий и признается одной из древнейших форм эстетической деятельности [Бычков, 2012, 172].

Эстетическое выражение права усматривается и в контексте иных классических эстетических категорий. Так, при рассмотрении права в контексте категории прекрасное его эстетическое выражение реализуется за счет свойства данного феномена упорядочивать сложные и противоречивые общественные отношения, определяя четкий и единообразный порядок действий. Нормативно-правовые акты, в которых удается достичь установления такого порядка, нередко характеризуют как изящные, красивые, совершенные, что в целом соотносится с содержанием категории прекрасное. При рассмотрении права в контексте категории трагическое его эстетическое выражение реализуется посредством переживания боли, страдания, смерти, что наиболее очевидно проявляется при приведении в исполнение приговоров судов по уголовным делам, связанных с лишением свободы, а иногда и с лишением жизни осужденного.

Привнесенные в эстетическую теорию паракатегории неонклассики «лабиринт», «интертекст», «деконструкция» еще более расширяют возможности эстетического осмысления юриспруденции. Так, метафора лабиринта позволяет выразить запутанность, сложность, разветвленность, многомерность права и юридической практики. Концепт интертекста позволяет воспринимать право в качестве некой глобальной записи, включающей в себя смысловые отсылки к другим текстам и сознательное использование цитат из других

источников. Применение идеи деконструкции к сфере юриспруденции, как определил Ж. Деррида, позволяет перестроить первоначально заданный смысл закона посредством его переоценивания, что позволяет его преодолеть и открыть возможность более актуального и справедливого понимания [Derrida, 2002, 243]. Деконструкция открывает возможность поливариантного восприятия и интерпретации одной и той же нормы закона относительно различных ситуаций, «закон, связанный с теми или иными конкретными случаями, получает разный смысл и может казаться «жестким» или «половинчатым», «справедливым» или «несправедливым» [Честнов, 2012, 4].

П. Шлаг предлагает осуществлять осмысление эстетической сущности права не посредством универсальных эстетических категорий или паракатегорий, но через специфические эстетические образы, присущие именно данному феномену [Shlag, 2002]. Среди подобного рода образов П. Шлаг выделяет такие как сетка, энергия, перспективизм, разобщение. Эстетический образ права как сетки выражается в охвате правовыми нормами всех срезов жизнедеятельности социума, что вызывает чувство упорядоченности, стабильности, гармонии. Эстетический образ права как энергии реализуется в виде судебных решений, улучшающих организацию всего общества. Перспективизм как эстетический образ права предполагает различные выражения права при видоизменении сущности законов в зависимости от избираемого ракурса рассмотрения. Разобщение как эстетический образ права отражает выражение права, при котором всякое понятие не тождественно себе и всегда является чем-то другим, «это своего рода виртуальная правоведческая реальность, в которой сущности трансформируются друг в друга» [там же].

Таким образом, в юриспруденции, несмотря на присущую ей рациональность, объективно присутствуют многочисленные чувственно-эстетические элементы, совокупность которых дает основания для констатации наличия эстетического измерения или эстетической модальности права и юридических практик.

Осознание такого обстоятельства, полагаем, вполне способно вызвать восхищение у эстетиков, стремящихся к максимальному расширению границ сферы эстетического. Действительно, обозначенное обстоятельство открывает значительные перспективы для эстетического осмысления и освоения колоссального пространства юриспруденции, которое в настоящее время присутствует во всех сферах бытия современного социума. Тем самым, очевидно открывается новый, пока еще весьма слабо разработанный, но обладающий значительным потенциалом, вектор развития эстетики.

Между тем, в то время, пока эстетики, пребывая отчасти в состоянии восхищения от подобного рода расширения границ эстетического, а отчасти в размышлениях о целесообразности развития эстетики по такому вектору, уклоняются от эстетического осмысления чувственных элементов права и юридической практики, само пространство юриспруденции претерпевает достаточно своеобразные трансформации. Суть таких трансформаций заключается в том, что некогда рассматривающиеся как необязательные или факультативные чувственные элементы права все более и более проявляют свою актуальность, а в некоторых случаях фактически начинают доминировать. Возникает парадоксальная ситуация, когда в, казалось бы, сугубо рациональном феномене права, чувственное начинает преобладать над рациональным. Такое преобладание достаточно очевидно усматривается в процессе толкования норм права и в процессе правоприменения, т.е. в тех ситуациях, когда выясняется смысл формальной правовой нормы применительно к определенной жизненной ситуации.

Одной из причин развития обозначенной тенденции, на наш взгляд, является определенное законом право судебного усмотрения, подразумевающее осуществление оценки доказательств не только посредством формально-логических умозаключений, определения причинно-следственных связей, но и посредством чувственного восприятия и использования такой нерациональной и субъективной категории как «внутреннее убеждение». Так, согласно статье 67 Гражданского процессуального кодекса РФ суд оценивает доказательства «по своему внутреннему убеждению». О необходимости руководствоваться внутренним убеждением при оценке доказательств говорит и статья 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяя при этом в качестве критерия оценки доказательств еще и такой, как «совесть». При этом ни понятие «внутреннее убеждение», ни понятие «совесть» законом не определены. Соответственно, определение содержания данных понятий находится в плоскости философского дискурса, субъективных культурно-мировоззренческих установок и чувственно-эстетического восприятия судьи, рассматривающего определенное дело.

Обозначенная особенность предполагает потенциальную возможность дерационализации как отдельно взятого судебного процесса, так и в целом всей системы права. В связи с этим практикующим юристам достаточно часто оказывается тяжело предположить итоговый результат судебного разбирательства.

Применение права судебного усмотрения не является чем-то исключительным, допускаемым только в каких-то определенных особо спорных случаях. Напротив, оно не ограничено законом и вполне может применяться к любой рассматриваемой судом ситуации. Следствием такого подхода нередко оказывается предание нормам закона смысла, выходящего за пределы их буквального содержания. В результате изначальный и воспринимавшийся как очевидный смысл правовой нормы трансформируется в иные и нередко противоположные изначальному значения.

Одним из наиболее явных примеров такой трансформации смысла правовой нормы является ситуация, связанная с практикой применения статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ. Согласно буквальному тексту данной нормы взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением и не обременено залогом. Казалось бы, в данном случае текст закона предельно конкретен и не предполагает возможности какого-либо иного толкования, кроме буквального, устанавливающего недопустимость изъятия у должника его единственного жилья, что в юриспруденции обозначается как «исполнительский иммунитет».

Однако, Конституционный Суд РФ 26.04.2021г. издал постановление №15, в котором определил, что статья 446 Гражданского процессуального кодекса РФ не может быть нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника. В результате, текст нормы закона оставаясь прежним, буквально определяющим недопустимость обращения взыскания на единственное жилье, обрел новый смысл, фактически опровергающий его буквальное значение и устраняющий установленный им запрет.

Принимая данное постановление, Конституционный Суд РФ стремился исключить ставшие нередкими случаи, когда кредиторы не могли получить имущественное удовлетворение, несмотря на наличие у должников роскошных квартир или коттеджей, имеющих статус

единственного жилья. В таком подходе Конституционного Суда РФ усматривается стремление к совершенствованию закона в целях достижения справедливости, т.е. усматривается стратегия деконструкции, что открывает возможность интерпретаций, казалось бы, достаточно очевидного текста закона.

Между тем, в силу обозначенного подхода одновременно с актуализацией стремления к достижению справедливости актуализировалось и чувственное восприятие, которым теперь суд, рассматривающий конкретное дело, должен руководствоваться при решении вопроса о том, не является ли принадлежащее должнику жилье избыточным для него. В связи с этим в зависимости от результатов судебного усмотрения смысл статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ может приобретать разные значения и казаться иногда экстравагантным, а иногда абсурдным и жестоким.

Не менее занимательные трансформации смысла правовых норм наблюдаются и в сфере действия уголовного права. Так, в части 1.1. статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ определен, казалось бы, очевидный запрет на заключение под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьей 159 Уголовного кодекса РФ (мошенничество), если эти преступления совершены предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Однако, как отмечают исследователи, очень часто данный запрет преодолевается посредством интерпретации судом, осуществляемой обвиняемым деятельностью как формально предпринимательской, прикрывающей преступную деятельность, составляющую истинное содержание деятельности обвиняемого [Сидоренко, 2021, 4].

Действующее законодательство определяет в статье 2 Гражданского кодекса РФ, что под предпринимательской деятельностью следует понимать самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В то же время, действующее законодательство не определяет, какую деятельность можно рассматривать, как формально предпринимательскую. Соответственно, в данном случае мы вновь сталкиваемся с интерпретациями, обусловленными судебным усмотрением, основанном на субъективных мировоззренческих представлениях и чувственно-эстетических восприятиях судьи, рассматривающего дело. В рамках таких интерпретаций фактически любая предпринимательская деятельность может рассматриваться как преступная, а лицо, занимающееся ей и обвиняемое по уголовному делу, может быть заключено под стражу, несмотря на запрет, следующий из буквального толкования части 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Приведенными примерами не исчерпывается полный перечень юридических ситуаций, в которых существенное значение приобретают чувственно-эстетические элементы. В то же время, уже обозначенные примеры указывают на необходимость признания того обстоятельства, что, казалось бы, необязательное для юридической практики чувственно-эстетическое восприятие формирует смысл и содержание юридических понятий, имеющих значение для судебных решений. При этом приходится констатировать, что последствиями описанного способа интерпретации юридических понятий посредством чувственного восприятия могут являться достаточно жесткие сценарии развития жизненных ситуаций вполне определенных людей.

Заключение

Рассмотрение эстетики юриспруденции в обозначенном контексте заставляет испытывать уже не восхищение, но тревогу и ужас от осознания силы и взрывоопасности эстетического в сфере юриспруденции. Приведенные примеры заставляют опасаться чрезмерной эстетизации юриспруденции, чрезмерной зависимости разрешения правовых споров от чувственного восприятия и субъективного усмотрения определенного судьи, что в целом создает угрозу дерационализации системы права. В то же время, представляется, что современная эстетическая теория не должна оставаться в стороне от осмысления этих специфических процессов проявления эстетического в сфере юриспруденции и по возможности способствовать установлению в данной сфере оптимального баланса между чувственным и рациональным.

Библиография

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Бычков В.В. Эстетика. М.: Кнорус, 2012. 528 с.
3. Малахов В.П. Право в контексте эстетического сознания // История государства и права: федеральный научно-правовой журнал. 2013. № 12. С. 7-13.
4. Пухова Т.Б. Эстетические основания права: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. 26 с.
5. Сидоренко Э.Л. (ред.) Уголовно-правовое воздействие на бизнес. М.: Проспект, 2021. 552 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
8. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 650 с.
9. Derrida J. Force of Law // Acts of Religion. London, 2002. P. 228-298.
10. Shlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. 115. P. 1047-1118.

The phenomenon of aesthetics in the context of legal normativity: philosophical analysis

Aleksandr V. Semenovich

PhD in Philosophy,
Assistant of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations,
Humanitarian Institute,
Vladimir State University,
600001, 87, Gor'kogo str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: a_semenovich76@mail.ru

Abstract

The article makes an attempt at a philosophical understanding of the aesthetics of jurisprudence. It is noted that there are studies in which jurisprudence, despite its inherent rationality, is considered as a sensory-aesthetic phenomenon. The aesthetic categories and paracategories through which the aesthetic content of jurisprudence is expressed are indicated. The existence of an aesthetic dimension of law and legal practices is substantiated. At the same time, it is stated that there is a well-founded concern from excessive infatuation with sensory and aesthetic elements when resolving legal issues. Consideration of the aesthetics of jurisprudence in the designated context makes one experience not

admiration, but anxiety and horror from the awareness of the power and explosiveness of the aesthetic in the field of jurisprudence. The above examples raise concerns about the excessive aestheticization of jurisprudence, the excessive dependence of the resolution of legal disputes on the sensory perception and subjective discretion of a particular judge, which generally creates a threat to the derationalization of the legal system. As examples that cause such concern, the semantic transformations to which the norms of civil procedural and criminal procedural law are subjected in the context of the actualization of sensory and aesthetic perception are described, which, in particular, is expressed in the exercise of the right of judicial discretion. The need for an aesthetic understanding of the current legal reality is outlined in order to establish an optimal balance between the sensual and the rational.

For citation

Semenovich A.V. (2023) Fenomen estetiki v kontekste pravovoi normativnosti: filosofskii analiz [The phenomenon of aesthetics in the context of legal normativity: philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (7A), pp. 59-65. DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.005

Keywords

Aesthetics, jurisprudence, deconstruction, judicial discretion, internal conviction.

References

1. Alekseev S.S. (1999) *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: basics – theory – philosophy: experience of comprehensive research]. Moscow: Statut Publ.
2. Bychkov V.V. (2012) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Knorus Publ.
3. Chestnov I.L. (2012) *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. St. Petersburg: ALEF-Press Publ.
4. Derrida J. (2002) Force of Law. In: *Acts of Religion*. London.
5. Foucault M. (2018) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem Press Publ.
6. Huizinga J. (2011) *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [*Homo Ludens*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ.
7. Malakhov V.P. (2013) Pravo v kontekste esteticheskogo soznaniya [Law in the context of aesthetic consciousness]. *Istoriya gosudarstva i prava: federal'nyi nauchno-pravovoi zhurnal* [History of state and law: federal scientific and legal journal], 12, pp. 7-13.
8. Pukhova T.B. (2008) *Esteticheskie osnovaniya prava. Doct. Dis.* [Aesthetic foundations of law. Doct. Dis.]. Vladimir.
9. Schlag P. (2002) The Aesthetics of American Law. *Harvard Law Review*, 115, pp. 1047-1118.
10. Sidorenko E.L. (ed.) (2021) *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie na biznes* [Criminal legal impact on business]. Moscow: Prospekt Publ.